

Оськин М. В.
Институт законоведения и управления ВПА, Тула

Oskin M.
Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association, Tula

УДК 94.47

СНАБЖЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915)

THE SUPPLY OF THE NORTHWESTERN FRONT DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1915)

В статье раскрывается проблема снабжения русского Северо-Западного фронта продовольствием и фуражом в период Первой мировой войны. Фронт существовал только в первый год войны, будучи в конце августа 1915 г. разделенным на Северный и Западный. Показаны особенности снабжения одного из русских фронтов в маневренный период военных действий, деятельность интендантских органов, действия высших руководителей. В целом интендантство справилось со своими обязанностями, сумев к концу 1914 г. отладить структуру и организацию органов снабжения на театре военных действий.

Ключевые слова: Северо-Западный фронт; продовольственное снабжение; интендантство; местные средства; театр военных действий.

The article is devoted to the problem of supplying the Russian Northwestern front with food and fodder during the First World War. Front existed only in the first year of the war; being at the end of August 1915 divided into the Northern and Western front. Thus, the article shows the features of the supply of one of the Russian fronts in the maneuvering period of hostilities. The article shows the features of the supply of troops, activities of control bodies, the actions of senior executives. In General, the intendants coped with its duties, having managed by the end of 1914 to fine-tune the structure and organization of supply bodies at the theater of military operations.

Keywords: Northwestern front; food supply; intendants; local means; theatre of military operations.

Русский Северо-Западный фронт в период Первой мировой войны существовал около года (19 июля 1914 – 23 августа 1915г. по старому стилю), оперируя в пограничных с Германией и Австро-Венгрией регионах Российской империи – русской Польше, Литве и Белоруссии. Одной из важнейших проблем ведения боевых операций являлось снабжение войск фронта продовольствием для личного состава и фуражом для конского состава частей и соединений. Снабжение осуществлялось посредством двух основных видов заготовок продфуража – использования местных средств (ресурсы районов, где действовали армии фронта), имевшего приоритет в период маневренной войны, и подвоза из глубины страны, а на начальном этапе военных действий – использование заранее накопленных для развертывания войск запасов. Армии фронта получали довольствие усилиями как фронтовых интендантских органов, так и окружных интендантств пограничных Двинского, Виленского, Варшавского и Минского военных округов.

В кампании 1914 г. русские армии Северо-Западного фронта дважды вторгались на территорию германской Восточной Пруссии, используя ее ресурсы как трофеи. В Восточной Пруссии, а затем и в боях на левом берегу Вислы, русские вой-

ска получали от интендантства полное пищевое и фуражное довольствие, хотя все это в огромных количествах находилось и на занимаемой территории неприятеля, так как Восточная Пруссия являлась житницей Германии. Военнослужащие 1-й армии вспоминали, что особенно много немцами было оставлено свиней: «оставленный хозяевами скот избивали без всякой пощады. Наша рота обьелась свининой, почти всех рвало. Со всех сторон солдаты гонят к бивуаку коров, быков и лошадей; происходят драки между солдатами из-за дележа добычи». Или: «еда наша – главным образом чай, консервы и свиньи, которых мы ловим по всем хуторам» [1, л. 28; 2, л. 113].

В зависимости от района, где протекали боевые действия, запасы местных средств имели различный потенциал. Поэтому и мнения участников сражений о снабжении соседних армий были самые разные. Так, в одном солдатском письме указывалось: «после генеральной чистки интендантов интендантская часть поставлена так хорошо, что нет ничего похожего на японскую или турецкую грабильку». В других же письмах говорилось, что в Японскую войну было больше порядка и лучше снабжение войск [3, л. 24, 29, 30 и др.]. Общий порядок установился только к концу 1914 г.

В целом в массированных операциях армии противников перемещивались, и то русские на немецкой территории, то немцы – на русской забирали продукты и фураж, разоряя приграничье. Войска на театре военных действий (ТВД) истощали запасы населения реквизициями, что при отсутствии подвоза негативно сказывалось на этом населении. Поэтому уже в сентябре 1914 г. «для ознакомления с положением пострадавшего от войны населения и принятия продовольственных и иных неотложных мер помощи» МВД командировало в польские и западнобелорусские регионы специальных уполномоченных [4, л. 1, 134].

Западные регионы Российской империи – Привислинские губернии (русская Польша) – и Белоруссия являлись производителями картофеля в общегосударственном масштабе. Отсюда большие запасы картофеля в Польше, так как здесь население собирало этого продукта больше, нежели могло само потребить (рыночно-товарный сбор), а в связи с началом войны большая часть продукта, в мирное время шедшего на продажу, осталась в регионе. В частности, в западных губерниях собирали по 20–30 пудов (пуд) картофеля на душу населения, в то время как, например, в Новгородской губернии – около 9 пуд [5, с. 200]. Такая разница помогла русским войскам в самоснабжении этим продуктом. Ввиду отставания обозов и пока продолжавшейся сумятицы в деятельности интендантства картофель служил первым продуктом среди номенклатуры местных средств, на которые приходилось ориентироваться войскам во время маневренных действий. Картофель – продукт неприхотливый, элементарный в готовке, а осенью 1914 г. оставался на полях, то есть мог быть изъят немедленно, и не обязательно у населения, а собственными силами с брошенных полей.

Помимо людей, интендантству приходилось питать огромное количество лошадей, находившихся в войсках – кавалерийских, артиллерийских и обозных. Поэтому огромные транспортные ресурсы направлялись на подвоз фуража. Дело осложнялось тем, что кавалерия не имела собственных фуражных обозов и зависела от обоза корпусов. В условиях активной маневренной войны это вело к нехватке зернофуража здесь и сейчас, в войсках, ведущих операции. Так, телеграмма генерал-квартирмейстера 1-й армии К. К. Байова начальнику штаба Северо-Западного фронта В. А. Орановскому от 25 сентября 1914 г. сообщала, что «недостаточность перевозочных средств объясняется необходимостью подвозить фураж и отсутствием корпусных транспортов для второочередных и кавалерийских корпусов и дивизий». Расчет на подножный корм и местные ресурсы имел следствием отсутствие фуража в

дивизионном обозе, что заставляло «корпусные транспорты, а также заменяющие их армейские транспорты обратить исключительно на подвозки фуража, которая обеспечивает 4-дневный запас овса» [6, л. 10].

В ходе Варшавско-Ивангородской операции сентября – октября 1914 г., характеризовавшейся огромным размахом боевых действий и используемых в боях войск, успех снабжения сражавшихся соединений во многом зависел от их расположения – рядом с коммуникациями или нет. Казалось бы, что присутствие в тылу большого города – Варшавы не должно было вызвать затруднений с питанием даже и весьма многочисленных войск. Тем не менее, интендантство еще не справлялось с подвозом, а организация Министерства земледелия, взявшего на себя обязательство выполнения нарядов интендантства для армии, только начиналась.

Доклад генерала для поручений при Верховном главнокомандующем Б. М. Петрово-Соловово от 5 октября 1914 г. сообщал: «Из заявления начальствующих лиц и расспросов нижних чинов выяснилось, что хлеба часто не было. Так, некоторые части даже в 10 верстах от Варшавы не имели хлеба три дня. Многие конные части заявляли, что на правом берегу Вислы часто овса и сена не бывало... Походных кухонь в резервных войсках нет, а в некоторых частях кавалерии – развалились» [7, л. 152]. Противоречивую ситуацию отразили и перехваченные цензурой офицерские письма с Варшавского фронта. Одно, подтверждая доклад Петрово-Соловово, утверждало: «Смешно сказать, в 15 верстах от Варшавы мы форменно голодали в продолжение целой недели». Другое, напротив, сообщало, что «солдат кормят великолепно, заботясь о них больше, чем следует. Интендантство наше работает бесподобно, видно, что урок недавним прошел» [1, л. 197, 203].

С востока к Варшаве подходили две мощные железнодорожные магистрали: Северо-Западная и Привислинская. На левом берегу из города выходили железнодорожные ветки на Торн, Калиш и Сосновицы. Однако между станциями правого и левого берегов через железнодорожный мост вела только единственная передаточная ветвь в одну колею. Поэтому припасы просто-напросто не успевали перебрасываться на западный берег Вислы, чтобы обеспечить армии всем необходимым, прежде всего продовольствием и боеприпасами. Русским железнодорожникам пришлось даже организовать перевоз грузов через речную преграду по двум обыкновенным мостам колесным транспортом, после чего грузы уже забивались в поезд [8, с. 121].

Передача войскам, дравшимся в Польше, городских запасов способствовала начинающейся

нехватке хлеба в городах, и эти грузы следовало перебросить из глубины страны. Так, 16 ноября и.д. Варшавского генерал-губернатора возбудил телеграммой в МВД ходатайство о доставке в Варшаву 800 тыс. пуд ржаной обдирной муки и 3 тыс. пуд пшена. 19 ноября министр внутренних дел отдал распоряжение об удовлетворении ходатайства «из заготовленных главноуполномоченным по заготовке хлеба для нужд армии запасов» по заготовительной цене. Например, Люблин получил рожь из Тульской губернии, Радомская губерния – из Нижегородской и Самарской [9, л. 1–4, 7, 10, 25]. В середине декабря в Киевской губернии собрали 75 вагонов продовольствия для бедствующего польского населения на ТВД [10, л. 156, 204]. То есть уже с осени 1914 г. продовольственная организация России приступила к перевозке продовольственных грузов не только для фронта, но и для пострадавших тыловых регионов в пределах ТВД.

С увеличением количества войск на ТВД возрастала и нагрузка на интендантскую инфраструктуру. В частности, полевые хлебопекарни не успевали производить хлеб для войск в требуемых количествах. Основной причиной недохвата продфуража в войсковых соединениях, конечно, была недостаточно энергичная деятельность тылов. Приказ по армиям фронта от 17 октября сообщал: «Если войска испытывают подчас недостаток в продовольствии, то это происходит не от отсутствия последнего в районе действий войск и в ближайшем тылу, а вследствие полного неумения хозяйственной части штабов армий и корпусных управлений распоряжаться теми средствами, которые им предоставляются, а равно по причине крайне неумелого руководства службой обозов» [11, № 130]. Работе хозяйственников препятствовал объективный фактор громадного размаха ведшихся военных операций. Письмо из действующей армии дает следующую картину: «Переходы были до того быстры, что интендантство не успевало нам доставлять питание; по пути мы скупали овес, сено, хлеба нигде было купить, соли тоже... хлеба нет и нет. Целый месяц недоедания. Сейчас получают по ¼ фунта вместо 2 фунтов... Обьедаем местное население до последней картошки, скупаем принудительно все съедобное» [12, л. 83].

Во время проведения осенних Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций русские корпуса армий Северо-Западного фронта оторвались от своих баз на 150–250 верст и стали испытывать значительный недостаток в тыловом обеспечении и подвозе: боеприпасах, продовольствии, фураже. В конце октября армии требовали от штаба фронта подвоза фуража, дабы иметь возможность вести наступление – «при дальней-

шем наступлении потребуется подвоз в армию овса, ибо местного фуража почти нет, и на сбор его при быстром наступлении не бывает времени, а транспортных средств в армии для подвоза его не имеется». Для людей же требовали сухари, запасы которых в войсках истощались, и это срывало подготовку войск к атакам [13, с. 463–464, 470]. Чтобы упорядочить дело снабжения и перераспределения продуктов, приказ главнокомандующего армиями фронта Н. В. Рузского от 25 ноября устанавливал войсковой и тыловой районы. Рузский разграничивал ответственность: «Предписываю частям войск, управлениям, учреждениям и заведениям производить покупку и заготовку предметов довольствия исключительно в своих районах. Покупка же и заготовка означенных предметов вне своих районов, а также внутри империи, безусловно воспрещается» [14, л. 58].

Местные средства польского ТВД достаточно быстро были исчерпаны, поэтому к концу 1914 г. войска Северо-Западного фронта должны были питаться преимущественно подвозом. Главный начальник снабжений фронта Н. А. Данилов 27 января сообщал в Ставку Верховного командования: «В настоящее время на месте можно находить в значительном количестве только один картофель; все остальное и даже дрова для хлебопечения (требуются сухие) приходится подвозить». Правда, пока еще – из ближайшего тыла, поэтому весной 1915 г. в тыловых губерниях производились перепись и учет ресурсов регионов, чтобы иметь возможность использовать их в будущем [15, л. 232; д. 32. л. 23].

Как показывает исследователь, в начальный период войны, до зимы 1915 г., борьба за ресурсы на Восточном фронте носила «лишь вспомогательный и случайный характер, когда русская армия была вынуждена прибегать к ресурсам гражданского населения для обеспечения военных действий в материалах, продовольствии и фураже в силу невозможности интендантских служб выполнить свои обязанности». До весны 1915 г. шла защита этих ресурсов как «превентивный характер в виде реквизиций скота и лошадей в прифронтовых областях» в связи с ударами противника. И лишь в период Великого отступления – главный этап борьбы за ресурсы – происходила массовая реквизиция «живой силы и материальных ресурсов» [16, с. 299]. Эти ресурсы – «местные средства» – требовали не только своего учета, но и доставки в войска по составленным планам, чтобы не срывать реквизиции друг друга.

Весной 1915 г. в связи с истощением местных ресурсов армии Северо-Западного фронта все в возрастающей степени стали нуждаться в

подвозе продфуража из глубины страны. Задачей интендантских служб и железнодорожников являлся своевременный учет требовавшейся продукции, подача требований отвечающему за заготовку продовольствия в стране Министерству земледелия и подвоз этой продукции на фронт как для повседневного питания, так и для образования запасов. В марте 1915 г. на фронте насчитывалось 1 832 320 чел. и 539 260 лошадей, поэтому потребность в продфураже исчислялась на 5 месяцев, наряду с требованием содержания месячного запаса в войсковых продовольственных магазинах (складах).

Характерно, что нехватка одних продуктов (требование подвоза) могла сочетаться с избытком других (местные средства). Например, в середине апреля 1915 г. на Северо-Западном фронте наблюдается критическая нехватка фуража, который не успевали подвозить вследствие слабого развития сети железных дорог фронта [17, л. 18, 205–207]. В мае, с началом общего отступления на восток, обострилась проблема снабжения мясом, так как теплая погода препятствовала его перевозке в битом виде, а подвоз скота занимал слишком много вагонов. Характеристику положения дает дневниковая запись от 5 мая советника в распоряжении Ставки Ф. Ф. Палицына: «Большую тревогу вызывает фуражный вопрос и в особенности мясной... Интендантство бессильно. Не скажу, чтобы оно не хотело, но оно не умеет, не может, как не умеет удовлетворять и остальные потребности» [18, с. 90]. Такой вывод подтверждается и телеграммой Н. А. Данилова от 18 мая: «Положение вопроса снабжения войск мясом на Северо-Западном фронте обострилось до крайности. Реквизиция, помогавшая выходить из затруднения, становится безуспешной вследствие полного истощения средств в районах. Сегодня Главнокомандующий уменьшил мясную дачу до $\frac{3}{4}$ фунта, считая в том числе $\frac{1}{4}$ фунта солонины. Несмотря на эту меру, войскам фронта, отбрасывая войска внутренней службы и тыловые учреждения, необходимо ежедневно подавать не менее 4 тыс. голов живого рогатого скота. Кроме того, необходимо ежемесячно получать 500 тыс. пуд солонины и возможно скорее получить всю потребованную фронтом воблу» [19, л. 20].

Не надеясь на отвечавшее за закупки продфуража для армии Министерство земледелия, с целью обеспечения действующей армии усилиями интендантских органов линия раздела управления и ответственности между фронтом и тылом отодвинулась далеко на восток по сравнению с 1914 г. Теперь военные власти получили в свои руки ресурсы многих губерний, считавшихся еще в начале войны глубоким тылом. Неудивительно, что при слабости отечественного транспорта и

нераспорядительности центральных органов власти военные пытались разрешать свои проблемы за счет населения этих территорий, что вошло в ведение военных после установления позиционного фронта в 1915 г. от Балтики до Верхнего Днестра. При отступлении из Польши и Литвы войска получали эвакуируемые с оставляемой территории продукты питания [20, л. 60].

Великое отступление 1915 г., начавшееся с Горлицкого прорыва 19 апреля против русской 3-й армии Юго-Западного фронта, постепенно перекинулось и на Северо-Западный фронт. Масштабными ударами из Восточной Пруссии и Польши германцы сбивали русские армии с занимаемых позиций, вовлекая их в отход. Целью германского командования являлось создание громадного «котла» окружения в Польше, в котором оказалось бы большинство русских соединений. В сумятице отхода, усугубленной эвакуацией оставляемой территории и потоками беженцев (существенная часть которых выселялась вглубь страны насильно), войска могли испытывать нехватку определенных продуктов питания. Все эти шероховатости следовало исправлять Главному интенданту армий Северо-Западного фронта, должность которого занимал Г. В. Акишев, а после его скоростной кончины в июне 1915 г. – Е. Е. Немов.

Обстановка усугублялась эвакуацией оставляемых местностей. Чтобы максимально осложнить жизнь наступающему неприятелю, к лету 1915 г. военными властями был запрещен вывоз всех основных продуктов питания из мест их нахождения. Еще 6 октября 1914 г. был введен запрет на вывоз из Двинского военного округа, 9 марта 1915 г. – из Минского, 1 мая 1915 г. – из Киевского. При эвакуации военные власти забирали с собой брошенный скот и сжигали амбары с зерном, обязывая землевладельцев уничтожать свои посевы за плату [21, л. 1–2, 45].

Войска летом 1915 г. доносили, что вывозить припасы из оставляемых местностей у них нет возможности, так как много и своего имущества, а местные власти также не имели транспорта. Железные дороги были перегружены, почему и уничтожались все припасы и посевы. В прифронтовых регионах создавались продовольственные совещания для помощи беженцам, но вскоре и они вовлекались в отступление (Вильно, Ковно) [22, л. 69]. Примечательно, что в большие города продовольствие все равно подвозилось, так как эвакуация оставляла людей без запасов. Например, 18 июля Ставка сообщила главнокомандующему армиями фронта М. В. Алексею, что Варшаве угрожает голод, и следует помочь из интендантских запасов [21, л. 120], а уже через несколько дней польская столица была сдана немцам.

Военные власти даже пытались организовать эвакуацию хлеба из прифронтовой полосы, как очищавшейся перед подходом противника, так и потенциально угрожаемой неприятельским нашествием. С другой стороны, население белорусских губерний неохотно занималось сельскохозяйственными работами, поскольку опасалось, что отступление продолжится, и посевы будут уничтожены. В итоге, когда к октябрю 1915 г. установился позиционный фронт, белорусские крестьяне не только не могли дать войскам хлеб в перспективе (то есть в хозяйствах остались запасы, однако новые посевы стали минимальными), но и сами нуждались в снабжении хлебом. Минский губернатор А. Г. Чернявский 27 ноября отчитывался, что уезды, примыкающие к фронту (Минский, Борисовский, Новогрудский, Игуменский и Пинский), в тяжелом положении, так как население не обсемило поля, а что было – подведено войсками и беженцами [23, л. 14, 16, 18об.].

В то же время в распоряжении фронтовых властей оказались эвакуируемые ресурсы, прежде всего – скот, отгоняемый в тыл. Офицер-артиллерист так описывает продовольствование войск в период отступления летом 1915 г.: «От недостатка съестных припасов мы не страдаем, так как самое главное – мясо, у нас всегда под рукой, в виде своего собственного небольшого гурта рогатого скота, постоянно еще пополняемого бродячими коровами, брошенными злосчастными крестьянами, ушедшими в беженцы». Кроме того, все деревушки были забиты брошенной домашней птицей, а цена коровы у беженцев могла составлять всего 5 рублей. Неудивительно, что многие солдаты даже отказывались от казенного обеда [24, с. 100, 103, 106]. Поэтому к сентябрю 1915 г. в армию было отправлено всего 189 574 головы скота, так как на фронте был избыток скота в связи с эвакуацией, и отправка летом 1915 г. шла по минимуму [25, л. 17об.].

Дабы соумножить усилия военных и гражданских властей, в ходе отступления под власть фронта передавались все новые регионы, где интендантство могло проводить самостоятельные закупки продуктов питания, так как железные дороги, вынужденные перевозить массу грузов, теперь не только с востока на запад, но и обратно, не справлялись с перегрузками. Например, к сентябрю 1915 г. на Северо-Западном

фронте во всех продовольственных магазинах насчитывалось 24,5 млн пуд продфуража, а средняя месячная потребность действующей армии в 1915 г. – 46,28 млн пуд [26, с. 313]. Поэтому, чтобы компенсировать недовоз, тыловая граница фронтов относилась все дальше вглубь страны, чтобы в распоряжении интендантства были местные запасы и новые склады.

Второй причиной расширения фронтов вглубь страны стал факт эвакуации 1915 г., когда ближайшие к фронту губернии заполнялись различными военными структурами и учреждениями. Прибывавшие из эвакуированных местностей войсковые части первоначально не снабжались местными интендантствами [27, л. 52]. Чтобы питать эти структуры, и расширяли зоны военных округов, подчинявшихся фронтам за счет тыловых военных округов, управлявшихся Военным министерством. Соответственно, для местных властей главной заботой стало урегулирование отношений с войсковым начальством.

В середине августа Северо-Западный фронт был разделен на два – Северный (Н. В. Рузский) и Западный (А. Е. Эверт). Алексеев отправлялся на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, которым стал сам император Николай II. Тем самым фронтовая единица первого года войны оказалась упраздненной. Основное войсковое ядро бывшего фронта перешло в ведение Западного фронта, располагавшегося теперь уже в Белоруссии.

Невзирая на череду сменявших друг друга тяжелых сражений (кампания 1914 г.) и неудач на фронте (кампания 1915 г.), в целом задача продовольственного и фуражного снабжения Северо-Западного фронта, который в начале войны включал в себя две армии, а спустя год – восемь армий, была достаточно успешно решена. Громадную роль в решении задачи сыграли запасы прифронтовых регионов Российской империи, на потребление которых опирались войска, в течение первого года войны испытывавшие затруднения в подвозе. Обилие продфуражных запасов в стране позволило поставлять фронту все виды продуктов питания, сложности заключались лишь в структуре интендантской организации. Как только к концу 1914 г. эта организация была отлажена, войска практически перестали испытывать перебои в снабжении.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 338.
2. ГА РФ. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 341.
3. ГА РФ. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 343.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 30.
5. Давыдов, М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика / М. А. Давыдов. – СПб., 2010. – 828 с.

6. РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 51.
7. РГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 513.
8. Сулейман, Н. А. Устройство тыла и тактика снабжения в действующей армии / Н. А. Сулейман. – М., 1919. – Вып. 1. – 347 с.
9. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 11. – Д. 34.
10. РГВИА. – Ф. 2004. – Оп. 1. – Д. 87.
11. Приказы по армиям Северо-Западного фронта за 1914 г. – [б.м.], 1915.
12. ГА РФ. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 340.
13. Лодзинская операция. Сборник документов империалистической войны. – М.-Л., 1936. – 505 с.
14. РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 1.
15. РГВИА. – Ф. 2020. – Оп. 1. – Д. 3.
16. Астахов, А. Б. Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия / А. Б. Астахов // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год. – М., 2016. – С. 298–309.
17. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 2. – Д. 1576.
18. Палицын, Ф. Ф. Записки. Северо-западный фронт и Кавказ (1914–1916) / Ф. Ф. Палицын. – М., 2014. – Т. 1. – 318 с.
19. РГВИА. – Ф. 499. – Оп. 3. – Д. 1411.
20. РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 77.
21. РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 40.
22. РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 42.
23. ГА РФ. – Ф. 102. 4-е делопроизводство. – Оп. 1915. – Д. 108. – Ч. 40.
24. Веверн, Б. В. 6-я батарея 1914–1917 гг. / Б. В. Веверн. – Париж, 1938. – Т. 2. – 171 с.
25. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 12. – Д. 2.
26. Сулейман, Н. А. Тыл и снабжение действующей армии / Н. А. Сулейман. – М.-Л., 1927. – Ч. 2: Фронт и армия. – 446 с.
27. РГВИА. – Ф. 1607. – Оп. 6. – Д. 10.

Дата поступления: 22.09.2018

Никонова С. И.

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань

Nikonova S.

Kazan state University of architecture and construction, Kazan

УДК 94(47)

«...НА ЛИНИИ ОГНЯ»: РУССКАЯ АРМИЯ В 1917 ГОДУ (НА МАТЕРИАЛАХ 6-Й ФИНЛЯНДСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ)

«...IN THE LINE OF FIRE»: THE RUSSIAN ARMY IN 1917 (ON MATERIALS OF 6 FINLYANDSKY RIFLE DIVISION)

Статья посвящена исследованию состояния российской армии на Юго-Западном фронте в 1917 г. Представленный круг источников иллюстрирует недостаточно изученные страницы истории Великой войны, позволяет составить представление о трансформации сознания солдатской массы, революционных настроениях в действующей армии. Отражен процесс эволюции взглядов на войну, выраженный в письмах с фронта. На основе анализа архивных документов 6-й Финляндской стрелковой дивизии, впервые ставшей объектом исследования, представлена объективная картина военных будней на одном из важных участков фронта накануне заключительных событий Великой российской революции 1917 г.

Ключевые слова: снабжение действующей армии; солдатские комитеты; революционные настроения в армии; 6-я Финляндская стрелковая дивизия; солдатские письма

This article is devoted to the research of the state of Russian army in the 1917. It is based on the archival and other documents which reflect hard and ambiguous position at the Southwestern front of 1917. Sources presented in this article are presenting the events of the Great Patriotic War. The article reflects the process of evolution of opinions about war expressed by the letters from the front. Article is based on the analysis of the archival documents of 6th Finlyandsky rifle division which became the object of research for the first time. An objective picture of military everyday life is presented at the one of the important sector of the front on the eve of the final events of the Great Russian Revolution of 1917.